СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. МОСКВА

9 мая 1980 г.

ЧИСТОЕ ЗОЛОТО ИСТИНЫ

Сергей БОНДАРЧУК

Тема войны и мира, подвига народного и судьбы человека на полях сражений стала для двух художников точкой пересечения их творческих устремлений. Встреча Сергея Федоровича Бондарчука с таким волнующим и одухотворенным произведением, как шолоховская «Судьба человека», в значительной степени определила дальнейший путь актера и режиссера. Много лет спустя Бондарчук напишет: «Если бы не было «Судьбы человека», вряд ли взялся бы я за постановку «Войны и мира».

Новым творческим поиском художников стала экранизация романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». Об этом Сергей Федорович Бондарчук рассказывает в своей книге «Желание чуда», главы из которой публикуются в журнале «Наш современник».

Я не раз перечитывал свидетельства современников, военные эпизоды в произведениях Гюго, Стендаля, Байрона, Теккерея и поражался мастерству этих писателей-баталистов. Но в этой теме в ряд великих мастеров я поставил бы также и Шолохова с его «Судьбой человека», «Наукой ненависти» и романом «Они сражались за Родину», ибо ему удалось с удивительной глубиной и силой, через проникновение в суть народного характера, показать во весь рост героический подвиг человека на войне, нет, даже шире — судьбу человека, отстаивающего величие и красоту жизни.

О том, что эти произведения явления небывалые, новаторские в мировой литературе, я сужу по тому, что как кинорежиссер, снимавший «Войну и мир», «Ватерлоо», «Судьбу человека» и «Они сражались за Родину», я перечитал почти все (конечно, основное), что было написано о человеке на войне. В этом ряду я особо выделил бы, пожалуй, военные мемуары, которые вызывают такой огромный интерес во всем мире (кстати, и сам Шолохов необычайно высоко оценивает воспоминания маршала Г. К. Жукова). Когда ставишь фильм на эту тему, вольно или невольно становишься еще и историком, ищешь пути сопряжения правды истории и правды современности.

* * *

В моей судьбе огромную роль сыграл рассказ Шолохова «Судьба человека». Это подлинный шедевр мировой литературы. И, конечно же, своим успехом экранизация рассказа обязана первоисточнику, его философской и мировоззренческой основе, поистине удивительной обобщающей силе. Конечно, в отличие от ранних рассказов в этом произведении Шолохова есть та классическая сдержанность и наполненность, которая и таит в себе огромную художественно-впечатляющую силу. Но мне важно сейчас подчеркнуть то обстоятельство, что для Шолохова всегда было характерным бережное, почти отечески нежное отношение к ребенку. Вспомним его Мишатку из раннего рассказа «Нахаленок», мальчонку, готового отдать все самое дорогое, по его ребяческим представлениям, за портрет Ленина. Мальчонку, тянувшегося всем своим существом к прекрасному и героическому миру взрослых, олицетворенному в красноармейцах. От него — путь к Ване, мальчонке, которого находит и называет в конце концов своим сыном военный шофер Андрей Соколов, хлебнувший «горюшка по ноздри и выше», прошедший муки унизительного плена, бежавший из него на немецкой машине. И потянулся бывший солдат к бездомному мальчишке, чьи хрупкие плечи вынесли немало взрослых горестей, потому что почувствовал в нем родную кровинку. И Ванятка узнал в нем отца, поверил. Иначе быть не могло: именно таким и представляется отец мальчику, истосковавшемуся по ласке. Их судьбы переплелись. И жизнь, неистребимая жизнь дала зеленые побеги в их душах, побеги надежды, радости, бытия, твердой веры в лучшее. Здесь есть высокая истина — мысль об ином, общем родстве советских людей, в жизни которых не может быть места одиночеству.

Мне посчастливилось много раз встречаться с Михаилом Александровичем во время работы над фильмами по его произведениям. Фильм «Судьба человека» был для меня не просто режиссерским дебютом, а настоящей школой художественного постижения народной жизни. Снимали мы картину недалеко от Вешенской, и Михаил Александрович постепенно вводил меня в круг жизненного материала. Его рассказы о людях, образные, живописные и пластичные по слову, могли бы послужить основой не одной новеллы.

Приступая к постановке «Судьбы человека», я навестил Шолохова в его московской квартире в Староконюшенном переулке. Очень хорошо помню эту первую встречу. Почему-то особенно запомнился бюст Толстого, какого я не видел больше,— какой-то очень домашний, неофициальный, с полуоблупленным носом... И словно внутренний мостик связал меня с Шолоховым, скрепил невидимой нитью, когда я почувствовал в нем глубокую нежную любовь к Украине, унаследованную от матери-украинки. Я много читал ему в этот вечер, больше всего — стихи Шевченко. Прочел и «Судьбу человека». Он любит слушать, как читают его произведения, очевидно, по-новому воспринимая свое слово, свои образы, проверяя их на чужом восприятии...

Поначалу у него было недоверие ко мне — человеку городскому: «смогу ли я влезть в шкуру» Андрея Соколова, характера, увиденного в самой сердцевине народной жизни? Он долго рассматривал мои руки и сказал: «У Соколова руки-то другие...» И тут он рассказал, как занемог один казачок и врач велел ему сделать анализ крови. Много раз в лаборатории втыкали больному иглу, и всякий раз она ломалась — не могли пробить кожу на руке, которая трудилась всю жизнь. Потом из уст писателя я услышал трогательную историю безответной любви этого казачка, как посадил он подсолнух под окнами любимой, «чтобы рос он дикий, как и моя любовь дикая».

Слушая эту историю, я впервые заметил удивительную манеру Шолохова — рассказывая, медленно, легко прикасаться пальцами ко лбу, словно боясь отпугнуть неосторожным движением что-то очень важное. Он и говорил медленно, часто задумывался, словно глядя внутрь самого себя, и я понял, какая огромная внутренняя нравственная работа все время идет в нем, не прекращаясь ни на миг. Тогда он сказал мне: «Обязательно побывай в Вешенской, поживи там подольше, это поможет...»

Позже, уже находясь со съемочной группой в Вешенской, я, одетый в костюм Соколова, постучал в калитку шолоховского дома. Он не сразу узнал меня. А когда узнал, улыбнулся и про руки больше не вспоминал. Вскоре так же, как и Шолохов, признали меня вешенские казаки и казачки. «Андрей-то наш на работу пошел»,— говорили они, видя, как я иду на съемку.

Живя в доме у Шолохова, я многое понял. Понял, откуда идет эта поразительная правда жизни, которой полны его книги. Люди, о которых он пишет, сидят с ним за одним столом, рассказывают ему о своих радостях и печалях. Они же слушают, читают его книги. Станичные казаки смотрели материал нашего фильма вместе с писателем.

Там, среди людей, окружавших Шолохова, я окончательно понял своего Андрея Соколова. То в одном, то в другом казаке узнавал я жест Андрея, манеру говорить или слушать, видел ту или иную черту характера. И тогда же, помню, поразило меня, с какой ответственностью относится Шолохов к своему труду. «Хорошо вам,— сказал он как-то с завистью, наблюдая за работой нашей группы,— вас много, посоветоваться можно. А я один все решаю сам, за каждое слово один в ответе...»

* * *

Сейчас, после экранизации «Они сражались за Родину», когда осмыслена, продумана каждая строка произведения, я с уверенностью могу сказать, что этот роман — одно из лучших творений Шолохова. Говорю так не от влюбленности в произведение, хотя это чувство было естественным для всех нас, кто создавал картину. Новаторство этого произведения, на мой взгляд, прежде всего заключается в художественно-правдивом отображении трагических событий грозного 1942 года, периода отступления. Какая сила духа, какое могучее, неистребимое народное жизнелюбие должно быть у людей, переживающих сложнейшие моменты своей судьбы, если у них в это время находится место и шутке, и теплому юмору, и дружескому слову, остается святым отношение к мужской солдатской дружбе. Незабываем в этом смысле разговор Лопахина и Звягинцева, когда последний задремал от усталости на марше, вдруг резко качнулся, вышел из рядов и направился в сторону. «Бегом догнав товарища, Лопахин крепко взял его за локоть, встряхнул.

— Давай задний ход, Аника-воин, нечего походный порядок ломать,— ласково сказал он.

И так неожиданны были и необычны эти теплые нотки в грубом голосе Лопахина, что Звягинцев, очнувшись, внимательно посмотрел на него, хрипло спросил:

— Я что-то вроде задремал, Петя?

— Не задремал, а уснул, как старый мерин в упряжке. Не поддержи я тебя сейчас, ты бы на бровях прошелся. Ведь вот сила у тебя лошадиная, а на сон ты слабый.

— Это верно,— согласился Звягинцев.— Я опять могу уснуть на ногах. Ты как только увидишь, что я голову опускаю, пожалуйста, стукни меня в спину, да покрепче, а то не услышу.

— Вот уж это я с удовольствием сделаю, стукну на совесть прикладом своей пушки промеж лопаток,— пообещал Лопахин и, обнимая Звягинцева за широкое плечо, протянул кисет:— На, Ваня, сделай папироску, сон от тебя и отвалит. Уж больно вид у тебя, у сонного, жалкий, прямо как у пленного румына, даже еще хуже.

Покорно следуя за Лопахиным, Звягинцев нерешительно подержал кисет в руке, со вздохом сожаления сказал:

— Тут всего на одну цигарку, бери обратно, не стану я тебя обижать. Вот до чего мы табачком обнищали...

Лопахин отвел руку товарища, сурово проговорил:

— Закуривай, не рассуждай! — И за напускной суровостью тщетно стараясь скрыть стыдливую мужскую нежность, закончил: — Для хорошего товарища не то что последний табак не жалко отдать, иной раз и последней кровинкой пожертвовать не жалко. Так что кури, Ваня, на доброе здоровье. А потом, знаешь что? Ты, пожалуйста, за шутки мои не обижайся, может быть, мне с шуткой и жить и воевать легче, тебе же это неизвестно?»

Скажите, где еще можно прочитать такое откровение о солдатской дружбе, переданное через зримую и такую весомую деталь — табачок последней закрутки (я сам был солдатом и знаю, какую высокую цену он имеет)? Какой писатель еще сумел так просто и так емко передать народный характер солдата — защитника Отечества, сердечность и мужественность теплоты, объединяющей сердца разных людей, которых военная лихая година заставила надеть шинели?

В фильме «Они сражались за Родину» Лопахина сыграл Василий Шукшин, человек редкостной разносторонней талантливости — писатель, актер и режиссер кино. Это была его последняя и, может быть, лучшая роль. Ибо гений и писательская, жизненная мудрость Шолохова не могли не притянуть к себе такой глубоко народный и своеобычный талант. Шукшин готовился снимать по собственному сценарию фильм о крестьянском вожаке Степане Разине, говорил об этом Шолохову. И, видимо, встреча с Шолоховым в те летние дни и пережитая актером жизнь внешне чуть грубоватого шолоховского героя, простого солдата Лопахина, внутренне столь близкого ему, заставляли Шукшина продолжать работать над сценарием неистово, почти до самоистязания: в перерывах между съемками он закрывался в своей каюте на пароходе, где жила вся съемочная группа.

Каждый кадр, отснятый прекрасным оператором Вадимом Юсовым, теперь обрел особую ценность. Ведь мы снимали фильм о неизбывности, необоримости жизни, и потому главной целью было осмыслить события сурового 1942 года, показать дух воинов, истоки будущей победы, обстановку и атмосферу, в которых она зарождалась. Наверное, рано или поздно, но я все-таки пришел бы к картине об Отечественной войне, хотя бы потому, что принадлежу к поколению, которое война застала в расцвете сил, которое принимало в ней участие и оплатило жизнями своими радость грядущих побед. Война до сих пор живет незаживающей раной в душе, наверное, потому я тоже надел солдатскую шинель и сыграл в фильме роль Звягинцева.

Впрочем, так могут сказать многие из актеров, которых властно привлек к себе этот талантливый роман Шолохова. Сталинградец, бывший солдат, актер старшего поколения Иван Лапиков, сыграл роль старшины Поприщенко, который после гибели лейтенанта Голощекова стал во главе солдат. Какие удивительные по глубине чувств и мыслей слова дал ему Шолохов в прощальной речи у свежей степной могилы, когда он обратился к живым так, по-отцовски: «Товарищи бойцы, сынки мои, солдаты! Мы сегодня хороним нашего лейтенанта, последнего офицера, какой оставался у нас в полку. ...Глядите, сыны, какой великий туман кругом! Видите? Вот таким же туманом черное горе висит над народом, какой там, на Украине нашей, и в других местах под немцем остался! Это горе люди и ночью спят — не заспят, и днем через это горе белого света не видят... А мы об этом должны помнить всегда: и сейчас, когда товарища похороняем, и потом, когда, может быть, гармошка где-нибудь на привале будет возле нас играть. И мы всегда помним!»

Память военная обожгла душу каждого из нас, в том числе и замечательного актера Юрия Никулина, играющего роль солдата Некрасова, человека спокойного, с добрым юмором, достоинством, от которого веет уверенностью в победе. Ведь этому актеру не надо было долго вживаться в роль, он сам прошел большой путь в войне, защищал Ленинград, освобождал Эстонию и Латвию. Даже во время перерывов в съемках он не расставался с солдатским обмундированием! «Мы всегда помним!» — могут сказать о войне и Вячеслав Тихонов (сыгравший глубокую и сложную роль Николая Стрельцова), и Георгий Бурков (солдат Копытовский), и Николай Губенко (лейтенант Голощеков), и все другие участники картины, кто не прошел огненную школу боев, но в той или иной степени испытал и разделил вместе с народом горечь утрат военного лихолетья! «Мы всегда помним!» — и об этом думали мы, создавая фильм и обращаясь к новым поколениям советских людей.

По совету Шолохова мы снимали фильм «Они сражались за Родину» у хутора Мелоголовского Волгоградской области, недалеко от станицы Клетской, известной по военным событиям 1942 года. Когда мы приехали на хутор, то были поражены сходством описанных в романе мест и увиденного воочию. Конечно, более тридцати лет прошло с тех пор — и шрамы, рубцы на теле бледнеют со временем, но на этой земле, под ослепительным небом сохранились отметины войны — окопы, траншеи...

Возвращаясь к началу, хочу сказать, что вот и еще одна частица русской земли обрела свое бессмертие благодаря волшебству таланта писателя, бывшего участником и свидетелем минувших событий. Глянешь теперь на места эти, на степное правобережье, где воздух прокален солнцем, насыщен терпкими запахами выжженных трав,— и в дрожащей дымке будут возникать знакомые и дорогие шолоховские образы солдат — Лопахина, Звягинцева, Стрельцова, Некрасова, старшины Поприщенко...

Иногда приходится слышать, что Шолохов написал не так уж много. Действительно, в иных писательских домах я видел и более внушительные на вид собрания сочинений. Но многие ли из этих книг всегда на руках, всегда в бою, как книги Шолохова? Многие ли из них несут с собой правду-истину? И если с этой мерой подходить к его творчеству, то можно сказать: Шолохов написал много. А сколько еще замечательных строчек родит его горячее и искреннее сердце, чтобы потрясти нас великой правдой постижения жизни!